





МАРИЯ ДОЛОНЬ

**#черная\_полка**



МОСКВА  
2018

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
Д64

Оформление серии *С. Власова*

**Долонь, Мария.**  
Д64 #черная\_полка / Мария Долонь. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Татьяна Толстая рекомендует. Новый детектив).

ISBN 978-5-04-091340-4

Профессор Александр Волохов — знаменитый искусствовед, телеведущий, эстет и коллекционер. Его смерть никого не удивила: Волохов был стар, по всем признакам, мирно скончался от инсульта в запертой квартире, из которой ничего не пропало. Но его ученица, принципиальная (и потому безработная) журналистка Инга Белова, случайно узнает, что из квартиры исчезла ценнейшая книга, которую некогда подарил сам Жан Кокто, а профессора, похоже, убили. Инга начинает собственное расследование...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091340-4

© Долонь М., 2018  
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Что может быть лучше хорошего детективного романа?

Ничего.

Много лет назад ехала я на ночном поезде из Лондона в Эдинбург. Было холодно, сыро, темно и бесснежно, и была неуютная эта Англия с ее неотопливаемыми квартирами, с умывальниками без смесителя — либо кипяток, либо ледяная вода; с ее левосторонним движением — каждую минуту меня собирался задавить двухэтажный красный автобус; все было как-то невесело и смутно. И вокзал стоял черный и чугунный, и пахло гарью, и публика была какая-то опасная, вечерняя, и я ни слова не могла понять на их так называемом английском языке.

И вот поезд, и вот наконец купе, и тепло, и проводник жестом просит выйти и сильной рукой опускает полки, и они превращаются в широчайшие, уже застеленные постели, белоснежные и мягкие; и он зажигает для тебя ночник и желает спокойной ночи, и поезд идет на север.

С облегчением зарываешься в это тепло и безопасность и вдруг видишь: на подушке, у ночника лежит книжка размером в ладонь — детективный рассказик тебе на ночь. Недлинный, в самый раз для слипающихся глаз — на дюжину страниц, легкое чтение, без кровавых кишок и без натужных американских погонь со стрельбой, а просто: пропало кольцо, кто же украл? — такое вот что-нибудь.

Никогда в жизни, ни до, ни после не была я так благодарна неизвестному английскому человеку, понимающему одинокую и зябкую душу ночного путешественника! Что бы у нас положили на подушку, случись РЖД внезапно проникнуться если не любовью, то хотя бы сочувствием к людям? Конфету? Запаанный

в пластик сервелат в нарезке? Пластмассовый цветок — невянущую чиновничью ромашку? Желтый журнал со сплетнями? Стихи?

Боюсь, что стихи.

Английский человек знает: ничто так не утешает в холодную ночь, как уютное чтение детектива! Ведь, помимо всего прочего, этот волшебный жанр посылает нам подспудный сигнал: горя нет, зла нет, все придумано, все только сказка, все кончится хорошо, книжка закроется, и все злодеи останутся там, под обложкой; под кроватью никто не живет; одеяла и подушки ждут ребят!

Принято считать, что детективный жанр — не вполне литература: некие жесткие рамки не пускают автора развернуться во всю ширь. Пусть так. А зачем мне ваша ширь, если подумать? Мне нужна белая постель, ночник, тепло и маленькая литературная игра в пути на холодный север.

Авторы книжки, которую вы держите в руках, пять замечательных девушек, были моими студентками в семинаре «Пишем детектив». Но я ничему их такому особенному не научила — они и сами все прекрасно сумели сделать. Вся моя роль свелась к тому, чтобы предложить своим студентам: «А давайте...» — и они принялись писать, кто в одиночку (но не справились), кто «в складчину»; один очень даже захватывающий роман был написан бригадой из одиннадцати человек!

И вот семинар закончился, но девушки не разберлись и принялись за новый проект; первую книгу этого проекта я с удивлением и с удовольствием представляю читателю. Самое непостижимое для меня — это как, каким образом они, самые разные люди с разными литературными голосами, слились в единый авторский голос так, что мы не чувствуем зазора?

Как говорит одна из них: «Мы пишем на одной волне, трудно сказать, где чья идея, мы как единый организм. И даже когда одна рука делает одно, а другая не согласна, в конце концов происходит рукопожатие и согласие». Рука — ладонь — долонь.

Этот единый организм — Нелли Абдуллина, Наталия Звёздкина, Татьяна Лебедева, Наталья Порошина, Елена Рыкова. А все вместе — Мария Долонь.

Возьму ее с собой.

*Татьяна Толстая*

*Всем, кто помогал в создании этой книги,  
наша бесконечная благодарность:*

*Александру Трушину, Петру Орлову,  
Анне Шишкиной, Вере Байдак, Ольге Фатеевой,  
Кате Чемберджи, Екатерине Таратуте,  
Анне Зарембовской, Марии Игнатовой  
и Марии Язычьян.*

*Особая благодарность нашим учителям —  
Татьяне Толстой и Елене Пастернак.*





## ГЛАВА 1

Он был утомлен. Все-таки возраст есть возраст. Сейчас он мечтал, чтобы его поскорее оставили одного. Он потянулся к пепельнице.

Вдруг он почувствовал мягкое прохладное прикосновение к шее и следом сразу же — тонкий глубокий укол под затылком, будто нить невероятно длинного комариного жала вошла в голову.

— Что за... — прохрипел он. Голос неожиданно пропал. На беспомощном лице отразилось почти детское изумление.

Он изо всех сил попытался обернуться, посмотреть в глаза стоявшему позади него человеку, чтобы прочесть в них ответ на очень важный для себя вопрос. Жизненно важный. Но тело парализовало.

А через миг он уже не мог не то что сформулировать вопрос, но и вспомнить его. Все слова слиплись в жаркий комок пульсирующей боли. Ему чудилось, что его голова превратилась в кроваво-огненный шар. Только руки все еще боролись с жестким жгутом на шее, стремясь сорвать его.

Но это была иллюзия, его правая ладонь все так же безмятежно лежала на подлокотнике, а спокойная левая кисть изящно сжимала сигарету. Шея была перехвачена только легким атласным платком, ставшим для старика невероятно тугим и тяжелым.

Наконец, он смирился, поддался боли. Еще один удар, самый мощный. И наступила невесомость.

Он уже не услышал ни щелчка замков на портфеле, ни тихих шагов по коридору, ни скрипа входной двери.

\* \* \*

Лаковые панели в коридорах редакции «QQ» покадрово отражали стремительное движение Инги — острое колено, щиколотка, рука у челки, наклон головы, холодная улыбка, идеальная прямая спина.

Она фурией ворвалась в кабинет главного редактора.

— Ну и как ты объяснишь мне эту хрень? — нависла над столом, сдунула со лба рыжую челку.

— За грубое нарушение трудовой дисциплины и внутреннего распорядка, — автоматом выпалил Бубнов.

— Это что, тост? — Инга посмотрела на Бубнова в упор. — А теперь членораздельно и по пунктам. За что мы со Штейном уволены? Только не бубни! — Она знала, как он ненавидит это слово. Инга села, расправила юбку, закинула ногу на ногу. — Я не тороплюсь.

Бубнов поднял на Ингу желчный взгляд. Казалось, у главного редактора несварение желудка, которое он мучительно пытается скрыть.

— Вы со Штейном, — сказал он почти без выражения, — нанесли непоправимый ущерб медиахолдингу.

— О как! — Инга откинулась на стуле. — И чем же, интересно?

— Твое интервью с певицей Туми, во-первых, — Бубнов стал нервно загибать пальцы, — было взято без согласования с ее директором, в неподобающей обстановке. Во-вторых...

— Чушь собачья! Наш визит в больницу был согласован.

— Во-вторых, — Бубнов повысил голос, — директор Туми подает на нас в суд. За клевету и нанесение ущерба

имиджу звезды. За то, что вы со Штейном воспользовались ее беспомощным состоянием.

— И это ложь. На всех фотографиях Туми нормальная, — чем больше закипал Бубнов, тем спокойнее становилась Инга. — Статья подняла рейтинг журнала. Это же хайп высшей пробы, который мы все так любим! Статью цитируют направо и налево. И ты говоришь мне, что мы со Штейном уволены именно за эту работу?

— Это не хайп, а скандал. Медиахолдингу не нужна популярность такого рода. «QQ» — издание элитарное, мы — тренд-сеттеры, рядом с нами — только Esquire и Vogue.

Инга достала из кармана пиджака сигареты. Бубнов выскочил из-за стола, пробежался по кабинету.

*Охрану, что ли, хочет вызвать? Ух ты, драка!*

Инга с удовольствием затянулась.

— Не кури! — зашипел Бубнов. Ответом ему был дым в лицо. Бубнов закашлялся, замахал руками, вернулся за свой стол. Хотел ногой придвинуть кресло, но не рассчитал движения, и оно отъехало в сторону.

Инга прыснула.

— Даже кресло, даже кресло убежало от тебя.

— Смотри! — рявкнул на нее Бубнов. Он не стал ловить кресло-предателя, склонился над клавиатурой, что-то набрал и развернул компьютер в ее сторону. Инга увидела изможденное полубезумное лицо певицы. — И что, скажешь, не ваших рук дело?

Она в замешательстве смотрела на экран.

— Дай сюда. — Отобрала у Бубнова мышь, стала листать снимки. Туми с безумным взглядом, страшная и пугающая. Туми с подвернутой голой ногой, с оскалом вместо улыбки.

Штейн, его работа. Талантливая, конечно, но точно не для глянца.

— Текст тоже почитай, — язвительно сказал Бубнов.

— Но это же рабочка! В продакшн и бильдам мы эти материалы не отправляли. — Она подняла на него не-

годующие глаза. — Каким образом это могло появиться в Сети?

— Слили с ваших компьютеров. Служба безопасности проверила. — Бубнов все-таки сел. — Сама знаешь, лоеры из любой прессы в суде мартышку делают. А адвокат у них знаешь кто? Добронравский! Так вот, во-вторых...

— Во-вторых было, Валер! Во-вторых, это подлая подстава!

— Ты меня вообще будешь слушать! — Он сорвался на крик. — Холдинг по досудебному соглашению изымает номер из продажи! Ты вообще рисуешь себе потери?

Повисла пауза.

Инга встала, смяла сигарету о зеркальную поверхность стола. Бубнов болезненно сморщился. Сказала отдельно:

— Фотографии были в карте памяти фотоаппарата. Его Олег из рук не выпускает. А ему я верю, как себе, — он не мог. И мне дико интересно, кто слил мои тексты. Найду суку...

У Бубнова зазвонил мобильный.

— Что значит — на съемку не приехал? Спасибо, старик, буду должен. Своих пошлем. Пишу адрес.

Бубнов прикрыл трубку рукой.

— Офис покинь немедленно.

Он нажал кнопку громкой связи.

— Эвелина, зайди.

В дверях появилась вышколенная Эвелина Джи с неуместной улыбкой во все зубы.

— Инга Александровна, вас проводить?

В редакции так обращались только к начальству и к чужим. Инга холодно оглядела Эвелину с ног до головы — на той были туфли с последнего показа GF, которые Инга, пользуясь своими связями, выкупила для нее за четверть цены. И неважно, что размер не подходил — Эля заверила, что ступни худеют.

— Не жмут? — небрежно спросила Инга, проходя мимо. — Зайди потом ко мне, пластырь дам.

За спиной Эля стучала каблучками, стараясь не отстать.

Картонное пространство офиса вдруг пришло в движение: зажурчали телефоны, взвились принтеры, заскрипели shreddеры, шаги стали четче, взмахи рук — шире, голоса — громче. Каждый старался подхватить новый ритм, встроиться, не отстать. Несколько раз в месяц офис надевал шаблон деловой суеты — это значило, что в редакцию приезжал кто-то из учредителей медиахолдинга «Минерва», которому принадлежал журнал «QQ».

*Отлично! Вот сейчас я все и узнаю. Арег!*

Он шел вдоль стеклянной стены — строгий, недоступный, словно выточенный из гранита. Среднего роста, но казался высоким даже рядом с мощными телохранителями — окружающие невольно сжимались под его взглядом, становились немного лилипутами внешне и внутренне. Инга видела его ледяным и синим, как арктическая бездна. За его плечами была идеальная, без червоточин, бизнес-карьера: золотая медаль, красный диплом МГУ, MBA в Лондоне. Он не давал поводов для сплетен и пересудов и был не только одним из главных акционеров «Минервы», но и гарантией репутации всего холдинга. Непререкаем.

*Чертов киборг!*

— Арег, здравствуйте, вы должны меня выслушать...

Он невозмутимо продолжил путь, и она, увидев в этом согласии на разговор, тоже сделала несколько быстрых шагов. В этот момент один из охранников выставил вперед руку, словно шлагбаум, и Инга, со всей скорости налетев на нее, не удержалась на высоких каблуках и упала как подкошенная — на холодный серый пол. Несколько секунд она не могла подняться — только беспомощно хватала руками воздух под звук удаляющихся шагов.

\* \* \*

— Бежи, детка, бежи! Надо уже что-то делать! — подогнала новенькую коренастая азербайджанка, Сафура-Ханум, неизменный ассистент по аудитории ток-шоу «Культуроло-

гия» на первом канале. А Ленка и так уже прыгала через две ступеньки, сшибая старушек, которые ждали своей очереди, чтобы идти в студию «на передачу». Они собирались на любые ток-шоу в Останкино, взбивая остатки кудрей и выгуливая старинные платья.

— Не берет трубу! До эфира час! Да где же он? — Сафура-Ханум, не отнимая телефона от уха, покатила по коридору к студии. — А ну, голуби мои, кто на Волохова — за мной!

Публика послушно потянулась за Ханум. На «Культурологию» зрители приглашались исключительно для глубины кадра, другими словами, в качестве мебели. Но это никого не смущало. Небольшая плата свободным временем за возможность побыть очевидцем интересной дискуссии и, конечно, надежда засветиться на экране.

Через пять минут вся эфирная бригада собралась в кабинете исполнительного продюсера.

— Черт, куда ваш ведущий подевался? Мы так запорем первую Орбиту к чертям собачьим. — Евгений Данилович, исполнительный продюсер, бросил телефон, спустил ноги со стола на пол и тщательно протер электронную сигарету. Все следили за его руками. — Морги? Больницы? Ментовки?

— Глухо. — Сергей, старший администратор, помотал головой.

Волохов Александр Витальевич, тонкий и безукоризненный, раздражающе эрудированный, неизменно вежливый и выдержанный, полиглот, мастер интеллектуальных дискуссий, был ведущим «Культурологии» около десяти лет. И не было случая, чтобы за час до эфира он не сидел в гриндум, как называлась на всемирном телеязыке артистическая комната ожидания, с кофе или с тонкой сигаретой, готовый к диалогу с панелистами, как дрессировщик ко встрече со львами. А вот улыбка у него была совсем не цирковая — без тени превосходства, едва заметная, внутренняя. Александр Витальевич оказался настоящей находкой не только для телевизионщиков, но и для зрителей, уставших от крика и драк

в эфире. Почти полвека не выходивший из-за письменного стола, он неожиданно для всех и для себя самого согласился на предложение вести программу на федеральном канале. И вот первый срыв эфира, без звонка, без предупреждения. Телефоны не отвечают.

— Значит, так, — принял решение исполнительный. — Ханум сама знает, что ей делать с публикой. Сергей с новенькой, как тебя, Лена? Вдвоем на машине быстро к Волохову на Вспо́льный, вот адрес. Миша, вызывай МЧС и ментов, пусть ждут рядом. Но без Сережиного звонка дверь не вскрывать. И «Скорую» туда, платную, — дай бог, все в порядке, тогда с мигалкой назад, в Останкино. Погнали! Нет, стоп! — Он быстро набрал телефон. — МихалИваныч, здорово, дорогой! У нас форс-мажор, перехвати своими гайцами мою машину на Суворовской, протащите по Садовому через пробки на Вспо́льный. Эфир срывается! Да, Волохов. Спасибо, родной!

Сергей с Леной уже выходили, когда он крикнул им вдогонку:

— Возьмете мою машину, ГИБДД вам в помощь. Да, и вот еще что — с криминальщиками свяжитесь, пусть съемочная группа тоже гонит на Вспо́льный и сидит там в кустах. Пойдет МЧС, тогда и они с ними, если дверь ломать. Но в эфир без моего указания не давать. Дирекцию программ мне наберите!

«Только вышла на работу — и такое ЧП!» — Лена поднималась на третий этаж старинного дома на ватных ногах. Всю дорогу до квартиры Волохова она не проронила ни слова. Сергей гнал, как псих. У Театра Российской Армии у них перед носом вынырнула машина ГИБДД, врубила сирену с мигалкой и домчала до места, где по разделительной, а где и по встрече. У Юридической академии, остановив все шесть рядов, обе машины крутанулись через две сплошные, свернули на Спиридоновку, а тут и Вспо́льный.

— Ну где ты там? — Сергей уже взлетел на третий этаж и теперь выглядывал Лену в лестничном проеме.